

Яго сделал свое дело и ушел

ПЕВЧЕСКИЕ БИЕННАЛЕ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

В день своего рождения он прилетел в Москву и, едва переступив порог 50-летия, шагнул на сцену Большого театра. Во всеоружии мастерства — какая дикция, какая осмысленная, отлично сделанная фраза, ни грама небрежности или наигрыша! И с программой, которую можно было бы назвать пестрой, если бы не ее абсолютная логичность. Эпика, лирика, грама. Русский, немецкий, французский, итальянский. Коварные злодеи, благородные победители, страдающие влюбленные. Это — сколок творческой судьбы артиста, не знающего плена определенного амбула.

Сергей Лейферкус начал с Игоря. Но не княжеский плащ — самый "носимый" сегодня наряд певца. Эскамильо — вот герой, в которого он перевоплощается последние два года чаще всего и, главным образом, на сцене Метрополитен-опера, где он пел в старой постановке "Кармен" и будет петь — вплоть до 1999 года — в новой, осуществляемой к будущему сезону Ливайном. "Я — Эскамильо навсегда", — иронизирует он, конечно, имея в виду, что его первого Тореадора следует искать еще в Кировском театре эпохи Темирянкова, где, к слову, певец, не ведая простов, "выдавал" до десяти новых партий в сезон, за что и был прозван железным Лейферкусом. Этот Лейферкус уже тогда знал, что театр — это непрекращающийся конкурс. Ныне, живя в иных реалиях, он лишь облек в иную форму свое убеждение: театр есть рынок, где нужно все время доказывать, что тебя пригласили не зря. Там, где он пел своего Эскамильо, — в Вене, Буэнос-Айресе, Нью-Йорке, едва ли жалели об этом. Но сегодня Лейферкус говорит: "Я устал от него". Впрочем, даже не будь этого признания, его можно было бы угадать на концерте в Москве — по тому, как острые линии победительных чеканных куплетов теряли четкость, как тускнел блеск пьянящего азарта, но лишь иногда, но едва заметно, рождая мимолетную досаду, которую сметет наступающий Яго.

Как он мечтал об этой партии! Но на Западе, где не певец выбирает партии, а певца выбирают на партии, мечты Лейферкуса, похоже, становятся реальной движущей силой его карьеры. Он уже давно "ходил кругами" вокруг Яго, когда в конце 1990 года (а певец к тому времени обосновался в Лондоне, подписав контракт с "Ковент-Гарден") его пригласил к себе Джордж Шолти и попросил спеть любимую вещь, только зло, обостренно-характерно. Через два года в его постановке, осуществленной для Королевской оперы, Лейферкус пел Яго в компании с Кири Те Канава и Паваротти. Затем последовала запись на "Дойче Граммифон" уже с Домин-

го в роли Отелло и Мьонг Вун Чунгом в роли дирижера. Потом Яго-Лейферкус явился в Мет. Вот партия, которую он наверняка имеет в виду, когда говорит: "Роль должна быть сделана скрупулезно, к ней возвращаются, о ней думают, эта работа на годы". И сегодня его Яго, лишь раз (в известном Монологе) мелькнувший на московском концерте, прекрасен. Как прекрасно даже в самых адских своих ликах настоящее искусство.

Потом так же сильно ему не давал покоя Макбет. И что ж? В будущем году он споет его в Хьюстоне и Париже. Сегодня Лейферкус мечтает о Риголетто, хотя едва ли найдется партия, к которой бы он так боялся подступиться. Но он уже ходит кругами и вокруг нее — думает, слушает, учит...

Скарпия. Этого своего героя Лейферкус вписал во второй акт старого спектакля Большого театра. Помогали ему Олег Кулько и солистка Дойче опер Галина Калинина, которая нередко бывала партнершей Лейферкуса в зарубежных "Тосках". Гости прописали свои роли куда тоньше и оказались куда живее нашего "концентрированного злодея" Мазурка и писанной крупным мазком, открытым цветом Тоски Касрашвили, но — не потрясли. Скорее, заворожили. Кстат, всех героев, представленных Лейферкусом на концерте в Большом, а были среди них, кроме упомянутых, и Жерар из "Андре Шенье", и Вольфрам из "Тангейзера", при всей разнице характеров роднило одно — это были умные герои, отлично контролирующие свои страсти.

Но если "иностранцам" эта маска в той или иной мере была к лицу, то с Алеко, не знающим страсти как стихии, как безумия, и Игорем, скорее, философ, чем смятенным духом, страстотерпцем, примириться было нелегко. Будто коснулся их отблеск "не наших" по духу зарубежных интерпретаций русских опер (к теме — однажды, когда Лейферкуса спросили, как он реагирует на режиссерские кульбиты типа смерти Кочубея под трамваем, да еще отчего-то с номером "4", да еще ведомым казаком, он сказал: "У меня есть правило — нравится мне или нет, но если я подписал контракт, я должен делать то, что от меня требуют").

Не потому ли вдруг так захотелось услышать в его исполнении русскую камерную музыку (которой он всегда уделял немало времени), что это — пространство максимальной свободы для певца. Вот где нас могут поджидать открытия! Но пока эти открытия делают (или не делают) слушатели в Вигмор-холле и зале Плейель, которым Лейферкус только что, сразу после московского визита, представил две программы русской лирики. И его записи — "весь Мусоргский", "весь Чайковский", миниатюры Глинки, Рубинштейна, Римского-Корсакова будут прежде всего оценивать тамашные меломаны... Он, счастливый человек (по его собственному определению), вписался в международный музыкальный контекст. Это мы все не можем сделать то же.

Культура. - 1996. - 20 апр. - с. 8.